

СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2022.4.36.5

УДК 331.556.4 | ББК 65.248.7

© **Вартикян А.Р., Гужавина Т.А., Демирчян М.А.**

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СТРАН В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

АРАМ РОБЕРТОВИЧ ВАРТИКЯН

Ереванский государственный университет

Ереван, Республика Армения

e-mail: mcc@ysu.am

ORCID: [0000-0001-9949-4650](https://orcid.org/0000-0001-9949-4650); ResearcherID: [CAF-6562-2022](https://orcid.org/CAF-6562-2022)

ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА ГУЖАВИНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: tanja_gta@mail.ru

ORCID: [0000-0003-0636-7690](https://orcid.org/0000-0003-0636-7690); ResearcherID: [R-4871-2017](https://orcid.org/R-4871-2017)

МОВЕС АРУТЮНОВИЧ ДЕМИРЧЯН

Ереванский государственный университет

Ереван, Республика Армения

e-mail: mdemirchyan@ysu.am

Статья посвящена изучению новых тенденций, возникающих под влиянием пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 в миграционной политике стран-реципиентов. Миграционная политика как деятельность государств в сфере регулирования миграционных потоков представляет собой весьма противоречивую сферу, в которой обнаружилось изменения и в деятельности госструктур, и в положении мигрантов в принимающих странах. На примере политики ряда стран показано, что распространение коронавирусной инфекции создало ситуацию, когда принятие наиболее оптимальных решений оказалось невозможным, чем и объясняется тот факт, что в отношении мигрантов и миграции вообще правительствами стран принимались разные, а иногда даже противоположные решения. Кризисная ситуация актуализировала огра-

ничительные меры в миграционной политике. В частности, в центре внимания руководителей стран и ряда международных организаций оказались трудовые мигранты, которые составляют наибольшую группу среди мигрантов и в условиях пандемии попали в наиболее трудную ситуацию из-за ограничений, связанных с перемещением и работой. В статье раскрывается новое понимание миграции как процесса, который нужно не только контролировать, но и планировать, так как пандемия COVID-19 показала, что не только трудовые мигранты нуждаются в работе и зарплате, но и многие страны нуждаются в трудовых мигрантах в самых разных отраслях деятельности. Показано, что во многих импортирующих трудовую миграцию странах отсутствие необходимых рабочих рук в ходе пандемии нанесло большой ущерб экономике. Новизна исследования заключается в анализе мировых практик в сфере миграционной политики в условиях пандемии и вызванного ей кризиса. В частности, на основе изучения решений в отношении миграции и мигрантов, принятых рядом правительств в течение 2020–2021 гг., сделаны выводы о наиболее вероятных тенденциях изменений в международной политике миграции. Практическая значимость определяется возможностями применения результатов исследования в выработке новых подходов к миграционной политике.

Миграция, трудовой мигрант, коронавирус, пандемия COVID-19, миграционная политика, социальная поддержка.

Введение

Вспышка COVID-19 и ее быстрое распространение по всему миру поставили правительства стран перед рядом трудно решаемых проблем. Пандемия ударила прежде всего по экономике. В связи с карантином многие компании были вынуждены временно закрыться, произошло сокращение совокупного спроса и увеличилась доля безработных. Экономические потери оказали влияние на образование, науку, культуру и т. д. По оценкам специалистов, пандемия «... превратилась в экономическое бедствие для миллионов людей во всем мире, замедляя функционирование глобальной экономики, увеличивая безработицу и приводя к закрытию компаний и снижению спроса на товары и услуги во время полных или частичных локдаунов, призванных сдержать распространение вируса. Меры, ограничивающие личные встречи и поездки, подорвали функционирование различных учреждений и благосостояние людей»¹. Более того, в отчете независимой целевой группы «Большой двадцатки» нынешнюю панде-

мию предлагают рассматривать как площадку для подготовки к будущим событиям аналогичного характера. Авторы доклада утверждают, что существуют угрозы будущих пандемий. «Мир сталкивается с явной и реальной опасностью более частых и более смертоносных вспышек инфекционных заболеваний. Нынешняя пандемия не была «черным лебедем». Более того, ее можно рассматривать как генеральную репетицию следующей пандемии, которая может произойти в любое время, в следующем десятилетии или даже в следующем году, и которая может нанести еще больший ущерб безопасности человечества»².

На возникшую ситуацию большинство стран отреагировали стандартным набором мер, целью которых были поддержка работников и снижение экономических потерь. В эти меры вошли прежде всего дотации бизнесу и работникам, обеспечение правовой базы для перехода на удаленную работу. Быстрые изменения произошли в сферах медицинского обслуживания и, конечно, в миграционной политике. Последняя сфера

¹ Реймерс Ф.М. (2021). Образование и COVID-19. Преодоление вызванного пандемией шока и восстановление до уровня, превышающего исходный. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000378626_rus (дата обращения 20.05.2022).

² G20 High Level Independent Panel (2021). A global deal for our pandemic age. URL: <https://pandemic-financing.org/report/foreword> (accessed 20.05.2022).

имеет важное значение, так как трудовая миграция особенно значима для экономики большинства европейских стран. Только в 2020 году, в самом начале распространения COVID-19, число международных мигрантов составило около 272 млн человек, из которых около 60% – трудовые мигранты⁵.

Наверное, впервые пандемия стала фактором международной политики. Как отмечает А.А. Громыко, в силу того что пандемия приобрела характер всеохватывающего события, большой интерес представляет ее влияние на международные отношения и ответные шаги со стороны государств. Еще одна особенность ситуации в том, что пандемия показала глобальность мира, без которой не было бы столь стремительного распространения инфекции. Еще одним эффектом пандемии стало то, что люди утратили возможность попасть в другую точку планеты. Тем самым пандемия продемонстрировала уязвимость мира. Особенно остро была задета свобода передвижения. Для современного мира это оказался удар не только по одной из гражданских свобод людей, но и серьезнейший удар по экономике и в первую очередь по рынку труда (Громыко, 2020).

Теоретический контекст исследования

Проблема миграции и ее влияния на социум представляет собой устойчивую область интереса исследователей, исходящих из признания факта территориальных перемещений людей как части истории человечества (Castles et al., 2014). Она служит наглядным выражением действия закона неравномерности развития. Именно неравномерность социально-экономического развития сопредельных стран и народов является базовой сущностной причиной, порождающей переселение людей.

Осмысление миграции как процесса перемещения людей с одной территории на другую достаточно давно привлекает внимание исследователей. Уже в XIX веке были сформулированы основные законы

миграции, большая часть которых продолжает работать и в современных условиях (Ravenstein, 1885). Ученых интересовали факторы, порождающие миграцию, среди которых были выявлены факторы выталкивания и факторы притяжения, определяющие направления миграционных потоков (Lee, 1966), а также так называемые «вмешивающиеся обстоятельства», или фактические барьеры (Stouffer, 1940).

Миграцию рассматривают прежде всего в рамках экономического подхода как важнейший регулятор численности трудоспособного населения, который стимулирует конкуренцию на рынке рабочей силы. В то же время через регулирование объема происходит регулирование рыночной цены труда. В большинстве случаев миграция обусловлена именно экономической необходимостью и в той или иной мере связана с рынком труда (А. Смит, Т. Мальтус, К. Маркс, Д. Кейнс и др.). Теория сегментирования рынка труда М. Пиора связывает миграцию со структурными потребностями стран-реципиентов, с потребностями в рабочей силе развитых промышленных стран (Piore, 1979). Миграция часто имеет ресурсную ориентацию, когда происходит овладение ресурсами новых территорий. При этом имеется в виду не только экономическая выгода на короткий срок, но и ориентация на долгосрочное позиционирование семьи или персоны, в том числе мотивированное благополучием будущего поколения, безопасностью, лучшими условиями жизни и т. п. В неоклассической теории миграцию связывают с географическими различиями в спросе и предложении труда. Данная позиция была дополнена выявленными изменениями в мотивации миграции. Исследователи обнаружили миграционные сети, диаспоры и другие образования мигрантов (Foner, 2000).

Синтетическая теория миграции Д. Массея, объединив и разлив многие ранее высказанные идеи, ввела принцип многофакторной модели миграции. Массей предложил методы оценки и анализа миграционных мотивов,

⁵ International Organization for Migration (2020). World Migration Report 2020, International Organization for Migration, Geneva, Switzerland. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (accessed 12.03.2020).

а также факторов влияния на международное миграционное движение (Massey, 1989). Современные исследователи миграции учитывают влияние глобализационных процессов. Ш. Гликом была предложена концепция транснациональной миграции, в рамках которой выявлены новые типы мигрантов, обозначенные им как «трансмигранты» (Glick, 1999). Поскольку глобализация создала проблему неконтролируемых миграционных потоков, то заговорили о контроле над миграцией (Седлов, 2019) и национальной безопасности стран-реципиентов⁴.

Процессы второй половины прошлого столетия потребовали от международного сообщества принципиально нового понимания роли и статуса мигрантов. Значимый шаг в их признании и понимании был сделан в XX столетии, что отразилось в принятии на международном уровне Всеобщей декларации прав человека (1948 год) и Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 год), а также ряда других документов. Возникли международные организации, такие как Международная организация труда (МОТ)⁵, Международная организация по миграции (МОМ)⁶. Следующим шагом стало формирование миграционной политики и соответствующего законодательства по ее реализации в большинстве стран мира. По мнению экспертов, миграционная политика представляет собой совокупность принципов, целей, действий, применяемых политическими акторами, к числу которых относится государство, для регулирования миграционных потоков (Бобылев, 2009, с. 61).

Кризисные явления в сфере миграции, имевшие место в XXI веке, породили обширную литературу по проблеме миграционной политики. Исследователи стали уделять внимание не только истории миграционных процессов (Рыбаковский, 2018; Яковлева, 2017), но и методологическим проблемам (Бобылев, 2009; Воробьева, 2003;

Воробьева, 2005), анализу конкретных практик и опыту отдельных стран (Захарова, 2019; Гужев, Семенова, 2021). При изучении ситуации в конкретных странах, в частности Германии и Франции, ученые выявили изменения в расстановке политических сил под влиянием миграционных процессов (Гужев, Семенова, 2021). Становится общепризнанной точка зрения на миграцию как на политический фактор, что связано с вовлечением большого числа стран. Значим и тот факт, что большая часть мигрантов в ЕС имеет своим истоком территории, где распространен ислам, что создает серьезное напряжение во взаимодействии с местным населением, порождает угрозы национальной идентичности. Ученые отмечают, что в этих условиях в Европе при регулировании миграционных потоков наблюдается сочетание двух направлений – национального и наднационального. На уровне ЕС общая миграционная политика носит рекомендательный характер. Ее важнейший принцип – коллективная ответственность в рамках союза.

Кризис 2015 года показал, что в ряде случаев национальные государства не могут справиться самостоятельно с рядом проблем в силу неравномерности миграционной нагрузки. Миграционные проблемы решаются в первую очередь силами национальных правительств. В итоге механизм размещения мигрантов в соответствии с квотами оказался неэффективен (Трофимова, Четверикова, 2019). Все это способствовало формированию противоречивых позиций стран в сфере миграционной политики. Как отмечают исследователи, «миграция из фактора замещения рабочей силы на рынке труда превратилась в фактор риска для стран ЕС, привела к формированию мусульманских общин, росту преступности и терроризма, увеличила нагрузку на социальные системы стран – членов ЕС» (Трофимова, Четверикова, 2019, с. 18).

⁴ Integration of refugees in Austria, Germany and Sweden. January 2018. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/614200/IPOL_STU (accessed 13.07.2021).

⁵ Международная организация труда. URL: <http://www.unrussia.ru/ru/agencies/mezhdunarodnaya-organizatsiya-truda-mot> (дата обращения 12.03.2020).

⁶ Международная организация по миграции. URL: <http://www.unrussia.ru/ru/agencies/mezhdunarodnaya-organizatsiya-po-migratsii-mom> (дата обращения 12.03.2020).

Что касается РФ, то ее миграционная политика проявляется в двух аспектах. Во-первых, как инструмент влияния и взаимодействия с сопредельными странами, о чем можно судить по количеству и характеру заключаемых соглашений (Маркин, 2010). Это доказывает, что «Российская Федерация сегодня превратилась в одного из крупнейших потребителей трудовых ресурсов и полноправного участника международного рынка труда. Эффективное управление миграционными процессами в интересах устойчивого социально-экономического и демографического развития страны, обеспечения ее общественной безопасности, прав и свобод человека и гражданина стало одним из основных приоритетов внутренней и внешней политики Российской Федерации» (Маркин, 2010, с. 100).

Во-вторых, как направление внутренней политики, ориентированное на регулирование трудовой миграции. Что касается внутренней ситуации, то и здесь существуют серьезные проблемы. Россия в течение многих лет была страной, привлекающей мигрантов, особенно из бывших республик СССР. На миграционное поведение влияют исторические связи, знакомые язык и культура, наличие мощных диаспор, относительная близость возвращения и т. д. (Седлов, 2019). Российское руководство публично признавало, что страна заинтересована в притоке трудовых мигрантов. Но на деле мигранты сталкиваются с чрезмерно усложненной процедурой получения разрешения на пребывание и трудоустройство (Иванюк, 2008). Изменения в законодательстве, произведенные в 2006 году и коснувшиеся прежде всего стран, с которыми у РФ безвизовый режим, позволили легализоваться двум миллионам мигрантов, но не решили всех проблем. Немалое число и мигрантов, и работодателей предпочитают неформальные отношения.

Проведенный учеными сравнительный анализ миграционной политики позволил сделать вывод о том, что в настоящее время оба центра притяжения миграционных потоков переходят от либеральной к кон-

сервативной модели построения миграционной политики, что проявляется в жестких мерах против нелегальных мигрантов (Седлов, 2019).

Еще одним вызовом для миграционной политики и в Европе, и в Российской Федерации послужила пандемия (Зорин и др., 2021). Ее влияние на миграцию населения стало предметом интереса как зарубежных, так и отечественных авторов. Практически везде отмечается ухудшение положения трудовых мигрантов в силу непоследовательности правительственных решений и их направленности на введение ограничительных мер (Рязанцев и др., 2020; Цапенко, 2020; Ardittis, Laczko, 2020; Milan, Cunnoosamy, 2020).

Научные взгляды теоретиков в области миграции служат для понимания причин и факторов не только прошлых, но и современных процессов международной миграции. Изучение теоретических подходов помогает понять закономерности и последствия миграционных процессов, строить прогнозы, проводить более взвешенную и рациональную миграционную политику. Анализ возникающих практик в этой области служит исходным материалом для формулирования новых выводов. Теоретические модели миграции становятся основанием для выработки миграционной политики государственными структурами.

Методы исследования

Основным методом сбора и дальнейшего анализа собранной информации является так называемое кабинетное исследование (desk research). Применение указанного исследовательского подхода в наибольшей степени соответствует целям нашей работы, поскольку получение информации о произошедших в период пандемии изменениях в миграционной политике различных стран прежде всего предполагает сбор и вторичный анализ открытых источников информации по указанной теме. В нашем случае в качестве документов анализа использовался целый ряд источников: во-первых, основны-

ми источниками являются научные статьи, публикации, содержащие аналитические данные, результаты проведенных авторами эмпирических исследований о положении мигрантов, некоторая статистическая информация; во-вторых, публикации в СМИ, содержащие фактические данные о положении трудовых мигрантов в условиях пандемии и освещающие деятельность властных структур в этих условиях; в-третьих, отчеты и данные различных международных организаций. В совокупности использованные материалы позволяют получить представление о кризисном положении мигрантов в условиях вводимых в связи с пандемией ограничений.

Следует отметить трудности и ограничения метода. Во-первых, информация, касающаяся данного аспекта, крайне разрознена. Метод требует значительных затрат времени и считается весьма трудоемким. Во-вторых, некоторая информация недоступна, в частности это касается документов госорганов. В-третьих, материалы из открытых источников, прежде всего из СМИ, порой отличаются крайней субъективностью и ангажированностью.

Тем не менее основные тенденции в политике в отношении мигрантов в различных странах удалось выявить, что и будет изложено в следующем разделе работы.

Пандемия COVID-19 высветила две задачи в области изучения ее влияния на миграционные процессы: изменения в государственной миграционной политике и изменение положения мигрантов в принимающих странах. Оба процесса оказались тесно взаимосвязанными.

Результаты и обсуждение

После того как ВОЗ объявила инфекцию COVID-19 пандемией (март 2020 года), серьезные изменения потребовались в миграционной сфере. Стало очевидно, что прави-

тельства многих стран, особенно тех, в экономике которых трудовые мигранты играют существенную роль, будут вынуждены пересмотреть миграционную политику. В рамках рекомендаций ВОЗ был принят ряд решений в русле ограничения миграции. По данным Глобального портала миграционных данных (MDP), с 10 марта 2020 года, за день до того, как ВОЗ объявила COVID-19 пандемией, по 28 февраля 2022 года во всем мире было введено 122823 ограничения на передвижение⁷. Большинство стран ограничились не только международными, но и внутренние перемещения. Практически сразу же в 2020 году для въезда в Европейскую экономическую зону были закрыты 6% аэропортов, 25% пунктов пересечения наземной границы и 9% пунктов морской границы⁸. В силу того, что решение носило оперативный и внезапный характер, одним из его результатов стала невозможность мигрантов добраться до места назначения, где они должны были работать, а многие из тех, кто на время объявления пандемии уже находился в других странах, должны были вернуться на родину в результате правительственных соглашений. Для этого были временно открыты границы некоторых стран.

Подобные решения нанесли экономический ущерб в первую очередь странам-донорам, поскольку те лишились денежных переводов, которые обеспечивали немалую долю средств, необходимых семьям для проживания. Помимо этого, работники, которые хотели уехать за рубеж, но не смогли и остались на родине, оказали дополнительную нагрузку на местные рынки труда и систему медицинского обслуживания. Еще одним экономическим последствием политики ограничений стало сокращение рабочих мест в принимающих странах, особенно в тех сферах, где были заняты мигранты. Поскольку в большинстве случаев они обеспечивали сферу услуг, то и в странах-реципиентах подобные ограничения по-

⁷ Данные о миграции, актуальные для пандемии COVID-19 // Глобальный портал миграционных данных. URL: <https://www.migrationdataportal.org/themes/migration-data-relevant-covid-19-pandemic> (дата обращения 15.03.2022).

⁸ IOM COVID 19 Response – Situation Report 24 (17 July 2020). URL: <https://migration.iom.int/reports/iom-covid-19-response-situation-report-24-17-july-2020?close=true&covid-page=1> (accessed 21.07.2020).

влекли за собой значительные экономические проблемы и потери.

В период пандемии обозначилась специфическая область зависимости стран-реципиентов от мигрантов. Оказалось, что в ряде государств существует значительная нехватка специалистов определенного профиля. В итоге некоторые страны после ограничения трудовой миграции открыли границы для привлечения людей определенных специальностей и навыков для своих внутригосударственных нужд. Например, Германия и Соединенное Королевство организовали прилет рабочих из Румынии для сельскохозяйственных работ. А некоторые страны, испытывающие нехватку медиков, обратились за помощью в предоставлении квалифицированных специалистов из-за рубежа⁹.

Одновременно нужно заметить, что изменения в политике миграции сильно отличались в разных странах. Они включали в себя как временные частичные ограничительные меры вплоть до полного закрытия границ для мигрантов, так и оказание помощи в виде предоставления бесплатных медицинских и ряда других социальных услуг мигрантам, которые не смогли вернуться на родину, но и не имели возможности работать. Исследования показывают, что степень медицинской помощи мигрантам была очень разной – от неотложной скорой помощи до предоставления полного пакета услуг наравне с гражданами данной страны¹⁰.

Помощь мигрантам оказывалась со стороны как правительственных структур, так и организаций гражданского общества. Последние занимались переводом и передачей жизненно важной информации практически на всех языках мира. На уровне государств предпринимались самые различные шаги от раздачи комплектов для защиты до

создания центров оказания помощи, куда мигранты могли обращаться в случае необходимости (Матюхова, 2020).

Наиболее уязвимое положение мигрантов в условиях пандемии видно и из доклада ОЭСР, в котором обосновывается, что именно мигранты первыми начали лишаться работы¹¹. Кроме того, те, кто сохранил работу, более остро ощутили негативные последствия пандемии, так как множество мигрантов работает в сфере туризма и обслуживания, и именно на этих отраслях экономики последствия пандемии отразились довольно сильно. Например, около четверти рабочих в гостиничном бизнесе Евросоюза являются выходцами из третьих стран. Большинство из них работает по краткосрочным договорам, поэтому часто именно они становятся первыми жертвами сокращений.

Из доклада ОЭСР можно сделать ряд выводов относительно политики миграции. Во-первых, стало очевидно, что существующий взгляд на миграцию лишь как на форму выражения права перемещения и работы не соответствует тем сложным, непредсказуемыми и подчас противоречивым реалиям, в которых сегодня живет мир. Во-вторых, пандемия показала необходимость миграции в первую очередь как одного из способов разрешения проблемы безработицы¹². И в-третьих, пандемия выявила, что новая политика в отношении миграции и мигрантов может в современном непредсказуемом мире играть роль стабилизатора экономических последствий разных потрясений, а средства, вкладываемые в изучение и разработку новой политики миграции, на самом деле не просто траты, а инвестиции в будущее.

Необходимость серьезных изменений в политике миграции становится очевидной, если рассматривать существующие сегодня

⁹ OECD, Tackling Coronavirus (COVID-19): Contributing to a Global Effort (2020), Skill Measures to Mobilize the Workforce During the COVID-19 Crisis. URL: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/skill-measures-to-mobilise-the-workforce-during-the-covid-19-crisis-afd33a65>

¹⁰ Глобальный портал миграционных данных. URL: <https://www.migrationdataportal.org/themes/migration-data-relevant-covid-19-pandemic> (дата обращения 15.03.2022).

¹¹ Хассельбах К., Шаталин В. (2020). Как пандемия повлияла на миграцию и мигрантов: неутешительный доклад ОЭСР. URL: <https://www.dw.com/ru/kak-pandemija-povlijala-na-migraciju-i-migrantov-doklad-ojesr/a-55318321> (дата обращения 25.02.2022).

¹² Там же.

механизмы регулирования миграции и те вызовы, с которыми мигрантам приходится сталкиваться. Например, большинство стран являются приверженцами таких режимов, подразумевающих, что мигрант может какое-то определенное время находиться и работать в стране, после чего должен покинуть территорию данного государства. Миграционные правила многих стран допускают также принудительное удаление иностранных граждан со своих территорий. Стало очевидно, что такая система оказалась практически бесполезной с момента приостановки международного транспортного общения. В условиях быстрого распространения вируса гражданские перевозки прекратились почти одновременно и повсеместно. А в рамках существующих критериев в отношении миграции и мигрантов не представлялось возможным понять, что же делать с оставшимися в стране иностранными мигрантами. Отправить их обратно было невозможно, а если они оставались в стране, это означало дополнительную нагрузку для экономики и системы здравоохранения, так как в условиях отсутствия работы и доходов мигранты почти полностью оставались на попечение того государства, на территории которого их застала пандемия. Чтобы понять масштабы проблемы, достаточно вспомнить, что речь идет о нескольких десятках миллионов людей (Fasani, 2020). Интересно, что еще П. Сорокин в своем исследовании «Человек и общество в условиях бедствий» отмечал, что одним из последствий воздействия эпидемии на общество является превращение людей в пассивные объекты в руках членов семьи, медработников, представителей органов власти (Сорокин, 2012). И во многом степень этого влияния зависит от масштабов бедствия. Безусловно, данный эффект можно было наблюдать не только в отношении мигрантов. Эпидемия, ставшая пандемией, сковала жизнедеятельность всего мирового сообщества в большей или меньшей степени. Но именно мигранты оказались наиболее уязвимой социальной группой.

Опыт прошедших двух лет показал, что универсального алгоритма действия у пра-

вительств разных стран не было, а принятие тех или иных решений зависело от широкого спектра факторов, начиная с финансовых возможностей государства и заканчивая национально-культурными особенностями общества. Справедливо было бы заметить, что правительства большинства стран во время пандемии придерживались не одной стратегии относительно мигрантов, а чаще всего экспериментировали, например, действовали по остаточному принципу, когда в первую очередь брали ответственность за своих граждан, а потом уже – за остальных, или по принципу «все равны».

Возможно, главным выводом, который сделали для себя правительства многих стран за последние два года, является то, что их экономика нуждается в мигрантах и зависит от них, потому что практически невозможно среди коренного населения найти такое же количество людей, согласных за ту же оплату взять на себя работу мигрантов, а среди согласных не будет достаточно людей, имеющих необходимые знания и навыки. Следовательно, поддержка мигрантов, уже находящихся в стране, оказалась более выгодной, чем отправка их на родину и обучение местного населения тем навыкам и знаниям, которыми обладают мигранты. Тем более что в отчете ОЭСР прямо говорится, что именно благодаря мигрантам государствам – членам организации удалось справиться с повышенным спросом на услуги в сфере медицинского обслуживания, розничной торговли и доставки (O'Brien, Eger, 2020).

Правительства некоторых государств, учитывая зависимость их экономик от мигрантов, приняли решение об автоматическом продлении срока действия виз и других документов, разрешающих мигрантам находиться и работать в данных странах. Например, в Соединенном Королевстве были продлены на один год сроки действия виз у врачей, медсестер и фельдшеров. Уже весной 2020 года Европейская комиссия призвала государства – членов ЕС способствовать беспрепятственному пересечению границ внутри ЕС для медицинских работников (Paul, 2020). Сложившаяся ситуация

выглядит двояко, поскольку, с одной стороны, очевидна большая роль и необходимость миграции для экономик многих стран, а с другой стороны – именно «современная миграция явилась триггером для ускоренного распространения коронавирусной пандемии» (Сигарева, Плетнева, 2021). То есть политика, направленная на новые ограничения в области миграции, одновременно означает и новые ограничения на развитие или восстановление экономик многих стран. И наоборот: чем меньше ограничений в политике миграции, тем больше вероятность распространения коронавирусной инфекции и ее модификаций.

Выбор, стоящий перед лицами, ответственными за политику миграции, действительно сложный, более того, если учитывать дополнительные социальные факторы, как, например, рассматривание мигрантов как главных разносчиков инфекции или конкурентов на рынке труда в условиях увеличения безработицы (Леденева, Безвербная, 2020).

Еще один аспект, связанный с работой мигрантов в условиях пандемии, остро проявился в Российской Федерации, где многие из мигрантов, не имеющих работу и оставшихся практически без средств к существованию, были вынуждены перейти в неформальный сектор занятости. Следовательно, в период пандемии трудовая миграция увеличивает размеры теневой экономики, что негативно влияет на положение страны-реципиента (Кравченко, Хороших, 2018).

Одновременно, как уже говорилось, пандемия показала строгую зависимость многих экономик от трудовых мигрантов. В связи с этим складывается интересная ситуация, которую можно охарактеризовать следующим образом: если до пандемии мигранты искали работу, то в период пандемии, наоборот, работодатели искали рабочих. Например, в России только в строительном секторе, который традиционно является ме-

стом занятости многочисленных мигрантов, в конце 2020 года 40% компаний заявили о нехватке рабочих. В январе 2021 года этот процент поднялся до 60%¹³. В том же году в строительном секторе России была зафиксирована нехватка примерно 190 тыс. рабочих. Понятно, что только мигранты не могут покрыть такой дефицит. Следовательно, нужна новая политика в отношении миграции, в рамках которой можно будет перейти от фиксируемой миграции к планируемой, учитывая краткосрочные и долгосрочные перспективы и вызовы. Значимым шагом в этом направлении стал Указ Президента РФ об образовании Межведомственной комиссии Совета безопасности России по вопросам совершенствования государственной миграционной политики¹⁴, подписанный 10 февраля 2020 года.

Среди всего спектра проблем, порожденных пандемией, остро встали социальные вопросы, прежде всего вопрос обеспечения жильем. Если до пандемии мигранты решали его самостоятельно, снимая жилье на время пребывания в другой стране, то в условиях пандемии проблема крайне обострилась. Поскольку в первое время правительства многих государств не занимались этим вопросом, то в некоторых странах Европы, а также в России наметилась тенденция формирования лагерей мигрантов. Ситуация в них была крайне неблагоприятной за счет плотности заселения и невозможности дистанцирования. Это вело к активному распространению вирусной инфекции. По справедливому замечанию Е. Матюховой, данная категория людей оказалась в безвыходном положении. «...Они не могут ни вернуться к себе на родину вследствие либо ограничения передвижения и закрытых границ, либо даже по причинам политической обстановки в стране гражданства, ни оставаться в лагерях, где риск заражения коронавирусной инфекцией остается на чрезвычайно высоком уровне» (Матюхова, 2020).

¹³ Ульмасов Р. (2021). Новый взгляд на миграцию после пандемии. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/rahmonulmasov/novyy-vzglyad-na-migratsiyu-posle-pandemii> (дата обращения 17.03. 2022).

¹⁴ О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам совершенствования государственной миграционной политики: Указ Президента Российской Федерации от 10 февраля 2022 г. № 48. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202100046> (дата обращения 03.03.2022).

Мигранты стали часто не сообщать о подозрительных симптомах, которые могут свидетельствовать о заражении COVID-19, вследствие страха быть депортированными или арестованными. Но такое поведение несло в себе угрозу для большого числа людей, с которыми потенциально зараженные мигранты периодически контактировали. Поэтому правительства ряда стран были вынуждены пойти на крайние меры, такие как закрытие на карантин лагерей мигрантов. Так произошло в лагере беженцев в Ризоне (Греция), где 20 из более чем 2 тыс. его жителей получили положительный результат на COVID-19, или на Мальте, где более тысячи жителей миграционного центра были отправлены на карантин, после того как восемь человек заразились коронавирусом» (Матюхова, 2020).

Заключение

Основные выводы, сделанные в результате исследования, касаются изменений в международной миграционной политике. Так, пандемия коронавируса COVID-19 и опыт преодоления ее негативных последствий показали, что доминирующее в международной политике отношение к трудовой миграции как к процессу, который нужно только регистрировать и контролировать, больше нельзя считать адекватным глобальным трендам. Следовательно, это отношение требует серьезного пересмотра, что подтверждается также опытом изучения политики ряда европейских стран касательно трудовых мигрантов. Правительства многих стран осознали необходимость не просто контролировать, а планировать трудовую миграцию, особенно в тех сферах занятости, в которых сами эти страны испытывают недостаток рабочих рук и специалистов с определенными навыками. Образно говоря, если до пандемии коронавируса мигрант искал работу, то уже во время пандемии и после нее «работа ищет рабочего», так как закрытие международного транспортного сообщения обернулось катастрофической нехваткой рабочих рук, особенно для мигрантозависимых стран.

В статье поддерживается точка зрения, согласно которой международная миграционная политика, особенно касательно трудовых мигрантов, не была готова к глобальной пандемии и продолжит оставаться такой, если не будут введены серьезные изменения. Как показал опыт последних двух лет, мигрантозависимым странам и с экономической точки зрения, и в плане минимизации социальных разнообразных рисков более выгодно планировать трудовую миграцию и предоставлять работающим на территории страны мигрантам необходимые социальные услуги, прежде всего медицинские, чем принимать в критических условиях быстрые и не всегда верные, часто затратные решения относительно незапланированных и непрогнозируемых проблем, связанных с отсутствием рабочих, формированием гетто как очага распространения вируса, ростом количества преступлений и т. д.

Наблюдения за событиями как в ЕС, так и в РФ свидетельствуют, что начинаются или иницируются изменения в восприятии обществом мигрантов. Пандемия показала, что традиционное отношение к мигрантам как к гостям, которые занимают чужие рабочие места, крайне неоправданно, а условия, в которых работают мигранты, в основном неприемлемы для коренных жителей страны. Следовательно, мигранты не всегда являются конкурентами на рынке труда, наоборот, они занимают вакансии, которые коренные жители на тех же условиях не принимают.

Еще один вывод связан с ожиданиями определенных изменений в вопросе юридического статуса мигрантов. Проблемы пересечения границ, легальности проживания, получения медицинского обслуживания, налогообложения и ряд других важных вопросов требуют новых подходов и решений, выгодных как для принимающей страны, так и для трудовых мигрантов, которые таким образом могут получить гарантии более безопасных и комфортных условий работы и проживания. Первые шаги в этом направлении уже можно наблюдать.

Исследование изменений в миграционной политике стран в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 показало, что пандемия существенно и непредсказуемо повлияла на отношение к мигрантам и миграционную политику как в принимающих странах, так и в странах – донорах трудовых

мигрантов. В частности, непредсказуемость последствий политики, связанной с ограничением миграции, выявилась в таких сферах общественной жизни, как экономика и медицина. Оказалось, что трудовые мигранты играют большую роль в экономике не только своей страны, но и принимающей стороны.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобылев В.В. (2009). Миграционная политика (сущность, структурное строение, основные типы // Власть. № 6. С. 61–64.
- Воробьева О.Д. (2005). Методологические проблемы разработки государственной миграционной политики // ЭНСР. № 4 (31). С. 85–102.
- Воробьева О.Д. (2003). Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации: аналит. вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. № 9 (202). Москва. 95 с.
- Громыко А.А. (2020). Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 2. С. 4–13.
- Гужев М.С., Семенова М.С. (2021). Проблема иммиграции и изменение соотношения политических сил в Германии и Франции // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 1. № 1. С. 106–115.
- Захарова Т.Ю. (2019). Миграционная политика Австрии на фоне европейского миграционного кризиса // Русская политология – Russian political science. № 3 (12). С. 64–68.
- Зорин В.Ю., Волох В.А., Суворова В.А. (2021). Трансформация миграционной политики государств в период пандемии // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 26. № 3. С. 34–44.
- Иванюк И.В. (2008). Миграционная политика России: новые инициативы // Вестник ЧелГУ. № 29. С. 77–88.
- Кравченко Л.Н., Хороших Ю.В. (2018). Анализ международных и российских социально-экономических аспектов трудовой миграции // Белгородский экономический вестник. № 1 (89). С. 104–108.
- Леденева В.Ю., Безвербная Н.А. (2020). Формирование образа мигранта в СМИ и социальных сетях на фоне эпидемии COVID-19 (по результатам контент-анализа интернет-изданий) // Научное обозрение. Сер. 1: Экономика и право. № 3. С. 95–105.
- Маркин С.Р. (2010). Миграционная политика России и ее влияние на сопредельные страны // Вестник РУДН. Сер.: Политология. № 5. С. 88–97.
- Матюхова Е.И. (2020). Миграционный вызов ЕС в условиях пандемии COVID-19: проявление солидарности или угроза сплоченности? Анализ и прогноз // Журнал ИМЭМО РАН. № 4. С. 94–107.
- Рыбаковский Л.Л. (2018). Предистория возникновения трех стадий миграционного процесса // Уровень жизни населения регионов России. № 2 (208). С. 86–94.
- Рязанцев С.В., Молодикова И.Н., Брагин А.Д. (2020). Влияние пандемии COVID-19 на положение мигрантов на рынках труда стран СНГ // Балтийский регион. Т. 12. № 4. С. 10–38.
- Седлов А.П. (2019). Иммиграционные модели стран ЕС и России: методология оценок и сравнительный анализ // Вестник ИЭ РАН. № 2. С. 106–118.
- Сигарева Е.П., Плетнева Ю.Э. (2021). Оценка рисков и эффективности мер борьбы с пандемией: миграционный аспект // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 1. № 2. С. 8–27.
- Сорокин П.А. (2012). Человек и общество в условиях бедствий. Санкт-Петербург. 22 с.
- Трофимова А.Е., Четверикова А.С. (2019). Наднациональный формат и национальные особенности миграционной политики стран ЕС // Южно-российский журнал социальных наук. Т. 20. № 1. С. 6–23.
- Цапенко И.П. (2020). Межстрановая мобильность населения в период и после эпидемического шока // Социально-трудовые исследования. № 40 (3). С. 31–43.
- Яковлева Е.Б. (2017). История и теории миграционных процессов // Теория и практика общественного развития. № 3. С. 20–23.

- Ardittis S., Laczko F. (2020). Introduction – migration policy in the age of immobility. *Migration Policy Practice*, (X) 2, 2–7. Available at: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/mpp-41.pdf> (accessed 23.05.2021).
- Castles S., Haas H., Miller M. (2014). *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. 5th edition London.
- Fasani F. (2020). Immigrant key workers in Europe: The COVID-19 response that comes from abroad. *VOX.EU*. Available at: <https://voxeu.org/article/covid-19-immigrant-workers-europe> (accessed 23.05.2021).
- Foner N. (2000). Beyond the Melting Pot. Three decades later: Recent immigrants and New York's new ethnic mixture. *International Migration Review*, 34 (1), 255–262.
- Glick S.N. (1999). Citizens in transnational nation-states: Asian Experience. *Globalization and the Asia-Pacific: Contested Territories*. London: Routledge.
- Lee E.A. (1966). Theory of Migration. *Demography*, 3, 47–57.
- Massey D.S. (1989). International migration and economic development in comparative perspective. *Population and Development Review*, 14, 383–414.
- Milan A., Cunnoosamy R. (2020). COVID-19 and migration governance: A holistic perspective. *Migration Policy Practice*, (X) 2, 27–31. Available at: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/mpp-41.pdf> (accessed 23.05.2020).
- O'Brien M.L., Eger M.A. (2020). Suppression, spikes, and stigma: How COVID-19 will shape international migration and hostilities toward it. *International Migration Review*, 1 (32), 1–32.
- Paul R. (2020). Europe's essential workers: Migration and pandemic politics in Central and Eastern Europe during COVID-19. *European Policy Analysis*, 6 (2), 238–263.
- Piore M. (1979). *Birds of Passage. Migrant Labour and Industrial Societies*. New York: Cambridge University Press.
- Ravenstein E.G. (1885). The laws of migration. *Journal of the Statistical Society of London*, 48 (2), 167–235.
- Stouffer S. (1940). Intervening opportunities: A theory relating mobility and distance. *American Sociological Review*, 5, 845–867.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Арам Робертович Вартикян – кандидат социологических наук, ассистент кафедры, Ереванский государственный университет (Республика Армения, 0025, г. Ереван, ул. Алека Манукяна, д. 1; e-mail: mcc@ysu.am)

Татьяна Анатольевна Гужавина – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tanja_gta@mail.ru)

Мовес Арутюнович Демирчян – кандидат философских наук, доцент, Ереванский государственный университет (Республика Армения, г. Ереван, ул. Алека Манукяна, д. 1; e-mail: mdemirchyan@ysu.am)

Vartikyan A.R., Guzhavina T.A., Demirchyan M.A.

MIGRATION POLICY OF COUNTRIES IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC

The article is devoted to the study of new trends arising under the COVID-19 pandemic impact in the migration policies of recipient countries. Migration policy as the activity of states in regulating migration flows is a highly controversial sphere in which changes in the activities of state structures and in migrants' situation in the host countries have been revealed. The example of the policies of

several countries shows that the spread of coronavirus infection has created a situation where it was impossible to make the best decisions, which explains the fact that for migrants and migration in general, governments have taken different, sometimes even opposing decisions. The crisis situation actualized restrictive measures in migration policy. In particular, the attention of leaders of countries and some international organizations was focused on labor migrants, who are the largest group among migrants and in the pandemic conditions are in the most difficult situation because of restrictions related to movement and work. The article reveals a new understanding of migration as a process that needs to be not only controlled but also planned, since the COVID-19 pandemic has shown that not only migrant workers need work and earnings, but also many countries need migrant workers in a variety of sectors of activity. It is shown that in many labor-importing countries, the lack of necessary workers in the conditions of the pandemic caused great damage to the economy. The novelty of the research lies in the analysis of global migration policy practices in the context of the pandemic and the crisis caused by it. In particular, by studying the decisions on migration and migrants made by a number of governments during 2020–2021, conclusions are drawn about the most likely trends in international migration policy. The practical significance is determined by the possibilities of applying the results of the study in the development of new approaches to migration policy.

Migration, migrant worker, coronavirus, COVID-19 pandemic, migration policy, social support.

REFERENCES

- Ardittis S., Laczko F. (2020). Introduction – migration policy in the age of immobility. *Migration Policy Practice*, (X)2, 2–7. Available at: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/mpp-41.pdf> (accessed: May 23, 2021).
- Bobylev V.V. (2009). Migration policy (essence, structure, main types). *Vlast' = Power*, 6, 61–64 (in Russian).
- Castles S., Haas H., Miller M. (2014). *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World, 5th edition*. London.
- Fasani F. (2020). Immigrant key workers in Europe: The COVID-19 response that comes from abroad. *VOX. EU*. Available at: <https://voxeu.org/article/covid-19-immigrant-workers-europe> (accessed: May 23, 2021).
- Foner N. (2000). Beyond the Melting Pot three decades later: Recent immigrants and New York's new ethnic mixture. *International Migration Review*, 34(1), 255–262.
- Glick S.N. (1999). Citizens in Transnational Nation-States: Asian Experience. *Globalization and the Asia-Pacific: Contested Territories*. London: Routledge.
- Gromyko A.A. (2020). Coronavirus as a factor in world politics. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN = Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 2, 4–13 (in Russian).
- Guzhev M.S., Semenova M.S. (2021). Immigration problem in the setting up of political forces in Germany and France. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya = DEMIS. Demographic Research*, 1(1), 106–115 (in Russian).
- Ivanyuk I.V. (2008). Russian migration policy: New initiatives. *Vestnik ChelGU = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 29, 77–88 (in Russian).
- Kravchenko L.N., Khoroshikh Yu.V. (2018). Analysis of international and Russian socio-economic aspects of labor migration. *Belgorodskii ekonomicheskii vestnik = Belgorod Economic Bulletin*, 1(89), 104–108 (in Russian).
- Ledeneva V.Yu., Bezverbnaya N.A. (2020). Forming the image of a migrant in the media and social networks against the background of the COVID-19 epidemic (based on the results of content analysis of online publications). *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Ekonomika i pravo = Scientific Review. Series 1. Economics and Law*, 3, 95–105 (in Russian).
- Lee E.A. (1966). Theory of migration. *Demography*, 3, 47–57.
- Markin S.R. (2010). The migratory policy of Russia and its influence on the adjacent countries. *Vestnik RUDN, seriya Politologiya = RUDN Journal of Political Science*, 5, 88–97 (in Russian).
- Massey Douglas S. (1989). International migration and economic development in comparative perspective. *Population and Development Review*, 14, 383–414.
- Matyukhova E.I. (2020). Migration challenges in the EU amid the COVID-19 pandemic: Fostering solidarity or threatening the cohesion? *Zhurnal IMEMO RAN = World Economy and International Relations Journal*, 4, 94–107 (in Russian).

- Milan A., Cunnoosamy R. (2020). COVID-19 and migration governance: A holistic perspective. *Migration Policy Practice*, (X)2, 27–31. Available at: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/mpp-41.pdf> (accessed: May 23, 2020).
- O'Brien M.L., Eger M.A. (2020). Suppression, spikes, and stigma: How COVID-19 will shape international migration and hostilities toward it. *International Migration Review*, 1(32), 1–32.
- Paul R. (2020). Europe's essential workers: Migration and pandemic politics in Central and Eastern Europe during COVID-19. *European Policy Analysis*, 6(2), 238–263.
- Piore M. (1979). *Birds of Passage. Migrant Labour and Industrial Societies*. New York: Cambridge University Press.
- Ravenstein E.G. (1885). The laws of migration. *Journal of the Statistical Society of London*, 48(2), 167–235.
- Ryazantsev S. V., Molodikova I.N., Bragin A.D. (2020). The effect of COVID-19 on labour migration in the CIS. *Baltiiskii region=The Baltic Region*, 12(4), 10–38 (in Russian).
- Rybakovskii L.L. (2018). Background of the theory of three stages of the migration process. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 2(208), 86–94 (in Russian).
- Sedlov A.P. (2019). Immigration models of EU countries and Russia: Assessment methodology and comparative analysis. *Vestnik IE RAN=Herald of the Institute of Europe RAS*, 2, 106–118 (in Russian).
- Sigareva E.P., Pletneva Yu.E. (2021). Assessing the risks and effectiveness of pandemic control measures: The migration aspect. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya=DEMIS. Demographic Research*, 1(2), 8–27 (in Russian).
- Sorokin P.A. (2012). *Chelovek i obshchestvo v usloviyakh bedstvii* [Man and Society in Calamity]. Saint Petersburg.
- Stouffer S. (1940). Intervening opportunities: A theory relating mobility and distance. *American Sociological Review*, 5, 845–867.
- Trofimova A.E., Chetverikova A.S. (2019). Supranational format and national specifics of the migration policy of the EU countries. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk=South-Russian Journal of Social Sciences*, 20(1), 6–23 (in Russian).
- Tsapenko I.P. (2020). Cross-border population mobility amid and after the pandemic shock. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social & Labour Research*, 40(3), 31–43 (in Russian).
- Vorob'eva O.D. (2003). Migration processes of the population: Issues of theory and state migration policy. Problems of legal migration regulation in the Russian Federation. *Analiticheskii vestnik analiticheskogo upravleniya apparata Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii=Analytical Bulletin of the Analytical Department of the Office of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation*, 9(202) (in Russian).
- Vorob'eva O.D. (2005). Methodological questions of national migration policy development and realization. *ENSR=Economics of Contemporary Russia*, 4(31), 85–102 (in Russian).
- Yakovleva E.B. (2017). History and theories of migration processes. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya=Theory and Practice of Social Development*, 3, 20–23.
- Zakharova T.Yu. (2019). Austrian migration policy in the context of European migrant crisis. *Russkaya politologiya=Russian Political Science*, 3(12), 64–68 (in Russian).
- Zorin V.Yu., Volokh V.A., Suvorova V.A. (2021). Transformation of the migration policy of states during the pandemic period. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya=Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 26(3), 34–44 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aram R. Vartikyan – Candidate of Sciences (Sociology), assistant of department, Yerevan State University (1, Alek Manukyan Street, Yerevan, Republic of Armenia; e-mail: mcc@ysu.am)

Tatyana A. Guzhavina – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tanja_gta@mail.ru)

Movses H. Demirchyan – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Yerevan State University (1, Alek Manukyan Street, Yerevan, Republic of Armenia; e-mail: mdemirchyan@ysu.am)